
Кризис рабочего движения будет углубляться

На вопросы журнала отвечает доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра социально-трудовых отношений Института проблем занятости Министерства труда и занятости Российской Федерации и РАН ЛЕОНИД ГОРДОН.

«ОНС» На страницах нашего журналами встречались с вами год назад¹. Тогда вы предложили читателям свое видение процессов, протекающих в обществе и, соответственно, охарактеризовали тенденции развития отечественного рабочего движения. Прошедший год подтвердил многие ваши характеристики и классификации. Хотя, конечно, конкретный рисунок развития событий, связанный с августовским путчем, предвидеть тогда было невозможно. Да мы и не ставили этой задачи. Год прошел. Какие тенденции, по-вашему, продолжают сохраняться и что появилось нового?

Л. Г. Мне кажется, что события прошедшего года подтвердили, что на нынешнем этапе нашего развития, с одной стороны, продолжалось действие неких общих свойств рабочего движения, а с другой — выявились новые черты, обусловленные спецификой момента. И думается, что для понимания тех процессов, которые происходят и в обществе в целом, и в рабочем движении в частности, полезно было бы сопоставить наш путь со многими аспектами западного развития, т. е. развития промышленных рыночно-демократических стран. Такое сопоставление позволяет выявить и общие тенденции, и отечественную специфику.

Элементы общего связаны, как мне представляется, прежде всего с главной направленностью реформирования советского общества — с процессом перехода от государственного социализма к рыночному демократическому обществу. Переход этот отнюдь не означает утраты нами своей национальной специфики. Мы видим, что каждая из рыночно-демократических стран обладает своей неповторимостью. Никто не будет пытаться доказывать тезис, например, о полном сходстве Швеции, Италии или Японии, но общность типа развития обуславливает и наличие черт, характерных для всех принявших его стран.

«ОНС» Но наши особенности связаны отнюдь не только с проблемами национальной специфики, с традицией и т. п.

Л. Г. Конечно. Прежде всего я бы выделил здесь специфические проблемы, характерные для всех бывших государственно-социалистических стран, для их постсоциалистического развития. Я уже говорил в прошлый раз о том, что развитие Запада подтвердило идеи конвергенции, что западное общество нашло приемлемое сочетание духа предпринимательства, свойст-

---

¹ См. «Общественные науки и современность», 1991, № 5.

венного классическому капитализму, и идей социальной защиты своих членов — идей, которые принято связывать с социалистической доктриной. Я говорил тогда, что в этом движении навстречу друг другу капитализма и социализма Запад уже прошел свою часть пути и теперь нам надо пройти свою, что это движение оказалось несимметричным во времени. Но специфика наша в том, что мы должны пройти свою часть пути из совершенно другой исходной точки социального пространства, а потому и траектории движения у нас абсолютно разные. Там была медленная, постепенная эволюция от феодального, затем раннекапиталистического общества с государством, не имевшим почти никаких социальных обязательств перед населением и в этом смысле чрезвычайно слабым, с неограниченным рынком и т. п., к устройству, предполагающему наличие социально сильного государства, способного вмешаться в дела рынка и имеющего для этого тонко настроенный механизм. Можно сказать, что развитие капитализма на протяжении последних полутора веков было связано с его постоянной «социализацией».

Мы же начинаем свой путь к новому обществу из совершенно иной точки — от общества всеобъемлющего огосударствления, а потому задача одного-двух поколений состоит в разгосударствлении буквально всех сфер общественной жизни. Естественно, такой путь порождает массу особенностей. И потому, оценивая некие общие направления развития, исходя из мирового опыта и не забывая собственно российской истории, мы в то же время должны помнить, что никакого буквального повторения традиционных путей быть не может.

«ОНС» Сегодня уже можно сказать, что мы вступили на путь перемен.

Л. Г. Но для понимания того, что происходит, очень важно зафиксировать, на каком именно этапе мы находимся. В сущности, мы пребываем только *на начальной стадии*, когда перемены еще *не стали необратимыми* и продолжается борьба: двинемся ли дальше к демократии и рынку или вернемся реставрировать государственный социализм. Сегодня мы переживаем период, когда, в сущности, еще ничего окончательно не решено, общество совершенно не устоялось, гигантски выросла роль стихийных начал и т. п. В каком-то смысле противостояние сторонников и противников перемен стало острее, чем год назад.

«ОНС» Следовательно, вы выделяете три момента, важных для объяснения современной ситуации: направление развития — промышленное рыночно-демократическое общество; специфичная траектория движения к этому обществу постсоциалистических стран; особенности, связанные с начальным этапом этого движения. Как же все это сказывается на рабочем движении?

Л. Г. Коль скоро мы собираемся развивать рыночные отношения, то рабочее движение в таком обществе, особенно в его профсоюзных формах, является совершенно необходимым элементом. Ведь полноценный рынок предполагает существование рынка труда, который в современном обществе невозможен без профсоюзов — организации трудящихся, отстаивающей их интересы в ходе борьбы за условия продажи рабочей силы. Во всех западных обществах присутствует и политическое отражение этой борьбы — или в виде рабочих, социал-демократических и коммунистических партий, или в форме политической деятельности профсоюзов.

«ОНС» Это черты, объединяющие нас с Западом. Но есть и особенности?

Л. Г. Основная из них связана с тем, что мы идем к новому обществу от системы государственного социализма, в которой работники наемного труда составляют подавляющее большинство населения. Такого не знала

ни одна страна Запада, потому что у нас было обобществлено все, и это факт, с которым надо считаться. Причем очень большая доля трудящихся занята в крупном производстве, т. е. образует группы, которые могут быть хорошо организованы, а потому способны оказывать существенное влияние на ход событий. Но именно в крупных формах производства будут происходить, может быть, наиболее болезненные преобразования, какое-то время они будут находиться в достаточно тяжелом положении.

«ОНС» В прошлый раз вы охарактеризовали рабочее движение в нашей стране как народное движение.

Л. Г. Конечно. Российский народ сегодня — это люди наемного труда: рабочие, инженеры, учителя, врачи и т. д. И что бы ни говорили наши «почвенники», крестьянство уже не сможет составлять основы народа. То, что у нас есть сегодня, вообще трудно назвать крестьянством. Это некая форма сельских наемников, и их в России меньше 20% населения. В результате аграрной реформы, вероятно, появится подлинное крестьянство — фермерство. Оно будет играть огромную роль в жизни страны, но доля его будет явно меньше 10% населения, как и в других развитых странах. То же можно сказать и о предпринимателях. Основу же народа будут составлять рабочие и массовая интеллигенция. А то, что у нас называется рабочим движением, и есть движение этих слоев. Я не говорю, что вся огромная масса населения им охвачена, но потенциально роль его может быть больше, чем где бы то ни было. Это надо ясно видеть и к этому готовиться.

«ОНС» Но как народное движение оно будет включать в себя самые разные идейные позиции, оттенки и настроения, присутствующие в нашем неустоявшемся обществе.

Л. Г. Да, оно неизбежно будет плюралистичным, его нельзя будет свести к некоему органическому единству, к сожалению, даже в области деятельности профсоюзов, даже в сфере способов их организации. Ведь этот процесс у нас начался не на пустом месте, как в странах Запада. Там профсоюзы зарождались как небольшие, не связанные друг с другом рабочие организации перераставшие сначала в небольшие, а затем и в более крупные и мощные профобъединения. У нас все входит в какие-то профсоюзы. Поэтому тред-юнионистский процесс у нас протекает не как процесс организации неорганизованных рабочих, а как процесс реорганизации, так сказать, «неправильно организованных» людей, входящих в структуры, называвшиеся профсоюзами, но на самом деле бывшими частью партийно-государственной машины.

«ОНС» То есть «школы коммунизма» мы должны преобразовать в нормальные профсоюзные организации, способные помогать людям продавать свою рабочую силу?

Л. Г. Совершенно верно. Такой процесс уже имеет место. Целый ряд официальных старых профсоюзов превращается в организации, подлинно отражающие интересы рабочих, и это было бы неправильно отрицать или не замечать. Во многих действиях Федерации независимых профсоюзов России видно стремление реально защищать интересы трудящихся. Но процесс этот не может быть всеобъемлющим и единственным способом образования новых рабочих организаций. Во-первых, велика сила инерции в самих профсоюзах: старый аппарат, старые традиции, старые привычки. Где-то их удается преодолеть, где-то — нет. Во-вторых, большую роль

играют сложившееся в массах неуважение к старым профсоюзам, потеря доверия к ним. Поэтому одновременно с процессом трансформации старых профсоюзов идет процесс зарождения новых организаций, отрицающих свою связь с прошлым, действительно неотягощенных его ошибками и т. п. Причем в жизни последовательность как раз была обратная: именно возникновение новых профсоюзов (профсоюзов горняков, летчиков, Соцпрофа и т. д.) подтолкнуло реорганизацию старых профсоюзов.

«ОНС» Каковы ваши прогнозы в этой сфере?

Л. Г. Я не удивлюсь, если к концу года мы станем свидетелями скачка в организации новых профсоюзов. Потому что сейчас существует масса стачконов, возникающих на самых разных предприятиях в различных точках страны. Они отнюдь не всегда создавались для немедленной организации забастовки. Гораздо чаще побудительным мотивом было полуосознанное стремление создать собственную, по функциям вполне профсоюзную организацию. Просто само слово «профсоюз» у нас дискредитировано, да и официальные профсоюзы всюду есть. Я допускаю, что очень многие из этих стачконов станут зародышами новых профсоюзов. При этом я совсем не считаю, что прежние профсоюзы будут списаны в архив. Просто достаточно долго будут сосуществовать три типа профсоюзов: старые профсоюзы, не желающие меняться; старые профсоюзы, пытающиеся изменить свою сущность и стать выразителями интересов людей труда; и, наконец, новые профсоюзы, с самого начала создававшиеся как представительства рабочих.

«ОНС» Но уже сегодня можно провести иное деление и в рамках профсоюзов, и в рамках всего рабочего движения. Оно связано с коренными проблемами реформ, с различным отношением к ним.

Л. Г. Мы уже говорили, что страна находится лишь в начале пути к новому обществу, когда не все определилось окончательно. В этой ситуации естественно деление на тех, кто стоит за уничтожение государственного социализма и в экономической, и в политической, и в идеологической сферах, за изменение общественного строя и утверждение порядка, основанного на принципах экономической свободы, а значит частной собственности, и на тех, кто ратует за реставрацию государственного социализма. Причем год назад такое деление в рабочем движении было не столь явно, потому что, с одной стороны, сторонникам радикальных реформ было как-то непривычно до конца формулировать свои взгляды, а с другой — ратующим за возврат государственного социализма еще как-то неловко было открыто об этом заявлять. Сейчас же организации типа «Трудовой России» весьма активны.

«ОНС» Год назад мы говорили и о промежуточных позициях. Сохранились ли они?

Л. Г. Да, две отмеченные нами тогда промежуточные позиции по-прежнему существуют. Первую образуют сторонники «истинного социализма», социализма «с человеческим лицом», демократии, но без рынка, так сказать, «плановой демократии». Этот взгляд мне кажется либо неточно сформулированным, либо утопическим. Ведь если речь идет о демократическом социализме и если это не пустые слова, то значит речь идет и о каком-то более или менее ясном обобществлении производства. До сих пор единственной формой последовательного обобществления производства было его огосударствление, национализация, и мы знаем, чем это кончается. В рамках огосударствления не может быть демократии по причинам чисто

экономическим: нельзя полгода дискутировать по поводу плана, затем его менять, препираться о мерах ответственности и т. п. В таком обществе нет и не может быть никакой автономии субъектов экономики, нет рынка с его сигналами и автоматическим регулированием. Единственный путь, каким здесь можно избежать экономической катастрофы,— это контролировать каждую ячейку производства, давать ей указания и следить, чтобы они выполнялись.

«ОНС» Кстати, сегодня мы как раз и видим результаты ситуации, когда рынок еще не создан, а контроль и управление ослаблены и нарастает хаос.

Л. Г. Обобществление через огосударствление неизбежно ведет к антидемократии, каковы бы ни были субъективные намерения у авторов подобных идей. Если все основано на «учете и контроле», значит нужен жесткий аппарат, который будет за всем следить.

Но иногда социализмом называют обобществление в рамках небольших коллективов, в сущности, создание некоего кооперативного строя. Если будет создано общество, даже целиком построенное на базе независимых кооперативных предприятий, то это, по сути, ничем не будет отличаться от обычного рыночного хозяйства. Просто внутри коллективов будет несколько более равномерное распределение. Поэтому с точки зрения возможностей демократии здесь возражений нет. Но сама идея в чистом виде представляется мне утопичной (в отличие от государственного социализма, который, как мы знаем, реализуем на практике). Более того, развитие по такому типу было бы неустойчиво, а потому опасно. Оно неизбежно возвращалось бы либо к более или менее типичному рыночно-капиталистическому строю, либо к государственному социализму.

«ОНС» Кроме того, было бы иллюзией считать, что предприятием с тысячами или десятками тысяч рабочих можно управлять всем коллективом.

Л. Г. Это формально коллективная собственность, а реально — собственность некоторой группы руководителей, пусть очень компетентных и достойных. И такое управление фактически ничем не отличается от менеджерского управления акционерной компанией. В принципе, против существования таких предприятий никаких возражений быть не может. Но зачем же говорить, что эта форма — принципиально новая. И, кроме того, она не должна насаждаться повсеместно.

«ОНС» Говорят также, что работники таких предприятий, став хозяевами, не будут бастовать. Ведь хозяева не бастуют.

Л. Г. Это так же наивно, как и то, что все они будут управлять. Конечно, прекрасно, если рабочие будут иметь акции и получать дивиденды. Для кого-то из них это станет дополнительным стимулом к хорошей работе. Но невероятно, чтобы для подавляющей части из них акции стали главным источником дохода. Таковым все равно останется заработная плата (кроме того, можно получить акции на одном заводе, а потом перейти работать на другой). Собственник, может быть, и не бастует, но человек, имеющий пару акций гигантского завода, в этом смысле никакой не собственник и прекрасно бастует. Другое дело, что на относительно небольших предприятиях и в каких-то исключительных обстоятельствах возможно создание подлинного кооператива.

Я бы хотел сказать и еще об одной опасности, которую таит в себе коллективная форма собственности. Гигантские предприятия, на которых

работают многие тысячи людей, связаны с циклом капиталовложений и обновления фондов, сопоставимым с трудовой жизнью поколения. Здесь должна выработаться производственная стратегия, рассчитанная на десятилетия. Нет никакой уверенности, что каждый член многотысячного коллектива в условиях внутриколлективной демократии согласится со стратегией, плоды которой в лучшем случае смогут пожинать его дети. Есть и другая опасность, связанная с тем, что получателями дохода оказываются только люди, работающие на предприятии, и исключены те, кто работал на нем когда-то. И, наконец, третья опасность: в нашей социальной реальности внедрение коллективной собственности в такой форме, скорее всего, станет «директорской приватизацией». Конечно, в каком-то смысле это хорошо, потому что фактически — с точки зрения технической подготовленности и практического опыта — директорский корпус, управленцы являются сегодня экономически наиболее компетентной частью общества, способной справиться с управлением производством. Но вместе с тем есть опасения, что среди них очень много людей, умеющих работать только по-старому. И тогда такой путь будет блокировать возможности становления новой системы.

Все опасности, о которых я говорил, вовсе не обязательно перевешивают достоинства организации, построенной на собственности трудовых коллективов. Но их не надо сбрасывать со счетов, и уже во всяком случае, по-моему, неприемлемо, восприятие организации подобного типа как единственно возможной, как некоего постоянного идейного принципа.

«ОНС» А насколько такие взгляды распространены в рабочей среде?

Л. Г. На рубеже 1991—1992 гг. мы проводили исследование понимания этих проблем рабочими активистами в Кузбассе. Оно было построено как серия дискуссий рабочих между собой, в результате которых они приходят к определенным выводам. Спорили сторонники экономической свободы и частных предприятий, считавшие, что сначала надо вырастить хозяев, а уже затем с ними бороться, и сторонники коллективной собственности как более справедливой. В результате дискуссии вторые признавали ограниченность коллективной собственности, а первые вынуждены были согласиться с тем, что быстрый и последовательный переход к частной собственности связан с чрезвычайно острыми социальными потрясениями. Вывод рабочих был, по-моему, чрезвычайно глубоким и правильным. Широкое использование коллективной собственности они предлагают как форму перехода к экономической свободе, акционерному и частному предпринимательству. Конкретно рабочие представляют себе это так: возможно широкая приватизация начинается с создания закрытых акционерных компаний, которые на первом этапе принадлежат трудовому коллективу. Причем сразу же эти компании ставятся в условия честной конкуренции и лишаются всякой государственной поддержки (кроме каких-то исключительных случаев). Очень скоро экономическое соревнование заставит допустить свободную продажу акций как внутри коллектива, так и вне его, т. е. превратить закрытые акционерные общества в открытые. Наконец, на третьем этапе произойдет формирование реальных хозяев. Ими останется какая-то часть трудовых коллективов, но, скорее всего, через несколько лет собственность сосредоточится в руках наиболее способных менеджеров, активных людей и владельцев капитала. Интересно, что этот путь совпадает с предложениями таких последовательных рыночников, как В. Селюнин и Л. Пияшева.

«ОНС» Однако я позволю себе вернуться к вопросу о промежуточных позициях в рабочем движении. Мы говорили об одной из них — о сторонниках «социализма с человеческим лицом».

Л. Г. Эта позиция, по сути, неустойчивая. Решающее значение здесь будет иметь то, какая из двух ее составляющих окажется важнее — приверженность демократии или плановому регулированию, обобществлению, каким-то традиционным для нас социалистическим формам построения общества. Если возобладают принципы демократии, то вполне возможен переход на позиции сторонников последовательного реформирования. Причем пополнение рядов реформаторов за счет таких демократически настроенных социалистов было бы очень полезно, ибо заставляло бы сторонников рынка умерять свой рыночный энтузиазм и больше внимания уделять проблемам социальной защиты. К сожалению, представители этого направления сегодня гораздо чаще блокируются со сторонниками реставрации государственного социализма, с «красно-коричневыми», а то и просто с фашистами. То есть приверженность социализму берет верх над демократическими принципами.

Но есть еще одна промежуточная позиция, ярче обозначившаяся за прошедший год. Это те, кто стоит за развитие рынка, но в недемократических формах — наши государственники, державники, для которых идея сохранения единого государства, зачастую связанная с подавлением демократии, гораздо важнее, чем все последовательные рыночные реформы. Они готовы блокироваться с противниками рынка, потому что их объединяет антидемократизм государственной державности. Это В. Аксютин, М. Астафьев, Н. Павлов и все, кто за ними стоит. Но в будущем возможна и иная конфигурация, возможен иной поворот. Ведь был же Аксютин в августе 1991 г. в Белом доме. Причем я не о людях говорю, а о позициях. Невозможен компромисс между сторонниками реформ и отстаивающими идеи государственного социализма. Но единство позиций демократов рыночников и рыночников антидемократов при каких-то условиях возможно.

Здесь, кстати, еще одно наше отличие от Запада. Там политический плюрализм в рабочем движении выражался по преимуществу в различных формах критики капитализма: от коммунистических идей до разных оттенков социал-демократии, ставших здоровым подкреплением западного общества. Мы же наблюдаем у себя гораздо более широкий политический плюрализм рабочего движения, обусловленный начальным этапом постсоциалистического развития.

«ОНС» Теперь, если позволите, хотелось бы поговорить о том, какие изменения в соотношении указанных позиций произошли за прошедший год?

Л. Г. Можно говорить о переломном периоде, который произошел осенью-зимой 1991 г., за время от августовского путча до реального начала реформ. До этого власть в Центре находилась в руках коалиции непоследовательных сторонников и непоследовательных противников реформ, а другие уровни власти частично находились в руках последовательных сторонников реформ (например руководство России) или у последовательных противников реформ (например большинство областного руководства). Соответственно, содержание общественной жизни заключалось в борьбе сторонников реформ за то, чтобы взять политическую власть у колеблющегося Центра и тем самым обеспечить начало реформ. Сегодня эта задача решена. Верховная власть у тех, кто реально начал осуществлять реформы. Основной теперь стала борьба имеющих власть сторонников реформ с их противниками (теми, кто в принципе не хочет реформ, и теми, кто не способен переносить их тяготы).

«ОНС» Таким образом, за прошедший год мы перешли от одного качественного этапа общественной жизни к другому. Естественно, и рабочее движение вступило в новый этап?

Л. Г. Этот переход объясняет нынешний кризис рабочего движения, который, по моему мнению, будет еще развиваться. До августа 1991 г. в рабочем движении был период, благоприятствовавший его демократической ветви — новым профсоюзам, демократическому общественно-политическому движению рабочих.

«ОНС» Причем, как вы говорили год назад, «рабочее движение — это, в сущности, единственная реальная сила, имеющаяся у демократии».

Л. Г. Понятно, почему все было именно так. Всякое рабочее движение призвано решать два рода задач. Если этого нет, оно просто теряет сторонников. В каком-то смысле основная задача — это отстаивание текущих интересов трудящихся, решение их сиюминутных проблем. Но одновременно (в особенности в переломные моменты истории, подобные переживаемому нами) рабочее движение невозможно, если оно не занимает некую общественно-политическую позицию, если не пытается защитить долговременные интересы трудящихся. Благоприятные условия для развития демократического рабочего движения на предыдущем этапе объяснялись, помимо всего прочего, тем, что у него *не было никакого противоречия между этими двумя группами задач*. Для достижения требований стратегического плана — начала реформирования экономики — надо было бороться с центральным правительством. Но и для решения текущих задач необходима была борьба с ним же как с основным владельцем собственности, основным работодателем, от которого зависело решение всех конкретных вопросов. Это была естественная, непротиворечивая, открытая и ясная позиция, понятная многим. И тактика была одна и та же — угроза забастовки или забастовка.

«ОНС» И демократическая борьба рабочих находила в обществе широкую поддержку. Забастовка шахтеров весны 1991 г. воспринималась как благородное и самоотверженное дело.

Л. Г. И это было на самом деле так. Поэтому и сыграли рабочие громадную роль в победе демократии. В то же время позиция антедемократической ветви рабочего движения была тогда очень сложной. Из принципиальных соображений они должны были поддерживать союзное правительство и даже консерваторов на местах, и им трудно было добиваться защиты текущих интересов людей. В то время они никакой поддержки не имели, за исключением ряда республик, где в форме рабочего движения фактически разворачивались национальные конфликты.

«ОНС» Но после начала реформ положение изменилось?

Л. Г. Сегодня труднее положение демократической ветви рабочего движения, потому что их стратегические, долговременные задачи и задачи сиюминутные, тактические оказались как бы в противоречии друг другу. Ведь по-прежнему государство у нас — основной работодатель, но оно же одновременно и главный двигатель реформ. А, кроме того, реформы неизбежно связаны с существенными тяготами. В таких условиях позиция демократической ветви рабочего движения оказывается очень сложной и противоречивой. Необходимо поддерживать правительство реформ, но одновременно выступать против него как основного работодателя, отстаивая свои текущие требования. Это делает более или менее неизбежным кризис демократического рабочего движения.

«ОНС» Но эти же условия благоприятствуют консервативной ветви рабочего движения.

Л. Г. Теперь у консерваторов нет противоречия между стратегическими и тактическими целями. Но я бы хотел предупредить как бы напрашивающийся вывод, что произошла симметричная перемена позиций. Все-таки есть существенная разница. Демократы, поддерживая реформы, по-прежнему защищают стратегические интересы трудящихся, тот путь, за которым (по моему убеждению) будущее. И главное, они защищают те идеи, которые до сих пор поддерживаются большинством рабочих. Нет сегодня среди рабочих большинства, которое хотело бы вернуться к прошлому. Есть много людей, не одобряющих то, как сегодня делаются реформы. И это — ветер в паруса консерваторам. Но прямо о реставрации государственного социализма пока мало кто говорит.

Таким образом, позиция консерваторов в рабочем движении не такая сильная, как была позиция демократов к концу 1991 г., но им во многих отношениях сегодня легче, чем демократам. В этом неизбежность кризиса. На него не надо закрывать глаза, не надо обвинять каких-то конкретных лидеров в плохом или неумном поведении. Надо просто помнить о существовании такого кризиса и его объективных причинах.

«ОНС» Надо также подумать и о возможных вариантах выхода из этого кризиса?

Л. Г. Конечно. Варианты здесь будут зависеть от того, как этот кризис будет преодолеваться. Допустим, в рабочем движении возобладает такая позиция: раз осуществление рыночных реформ связано с тяготами и мешает удовлетворению текущих потребностей, надо просто отказаться от реформ. Это классическая позиция организаций типа «Трудовая Россия», но, боюсь, и среди демократов в рабочем движении найдутся люди, которые на нее перейдут. Если такой взгляд возобладает, то это будет опасно и для общества в целом, и для рабочего движения в особенности. Для общества в целом опасность связана с тем, что антиреформаторские силы получат достаточно мощное подкрепление, вполне могущее оказаться той гирей, которая определит, куда качнутся весы истории. Но даже если позиция эта будет не столь сильна, чтобы заблокировать реформы, вред от нее будет большой. Коль скоро она будет преобладающей, единственным способом осуществления реформ станет силовое давление, необходимым окажется подавление рабочего движения, проведение жесткой антирабочей политики, подавление профсоюзов и т. д. В этом смысле такая линия, безусловно, вредна для рабочих.

«ОНС» Если же антиреформаторский курс победит и будет восстановлен государственный социализм, то мы прекрасно знаем, что в таком обществе для рабочего движения просто нет места.

Л. Г. Возможен и другой вариант развития событий. Практически в рамках рабочего движения он не очень вероятен, но важно отметить его логически — как позицию, прямо противоположную вышеназванной, и как позицию по отношению к рабочему движению. Ее можно сформулировать так: раз есть противоречие между стратегическими и сиюминутными интересами, то нужно ориентироваться на первые и отказаться от всякой текущей борьбы; откажемся от всякого оппонирования правительству реформ и будем безоговорочно его поддерживать, чего бы это ни стоило.

«ОНС» Маловероятно, что такого рода взгляды будут восприняты в широкой рабочей среде.

Л. Г. Я встречался в нескольких случаях с подобного рода высказываниями, но это, пожалуй, большая редкость. Однако в кругах, которые

определяют политику по отношению к рабочему движению (со стороны правительства или политических партий), этот взгляд очень распространен. Распространен он, кстати, и у активного массового политического обывателя, для которого рабочие хороши тогда, когда слушают команды и маршируют под данными им политическими лозунгами. Одна из наших слабостей — *недооценка политической элитой и интеллигенцией вообще рабочего движения.*

«ОНС» Но если все же предположить гипотетическую ситуацию, что такой взгляд возобладал.

Л. Г. Результаты будут самые плачевные. Прежде всего такая постановка вопроса, скорее всего, не будет воспринята подавляющим большинством рабочих. То есть поддержка такого взгляда приведет к отрыву рабочего движения от демократии (если демократия будет такой взгляд выражать) и его соединению с противниками реформ. Если демократическое направление рабочего движения воспримет эту позицию, то оно непременно крайне ослабнет, ибо кто пойдет за такими лозунгами? Боюсь, что тут получится рабочее движение без рабочих. Но это лишь одна сторона проблемы. Важно и другое: *такая позиция очень вредна для самих реформ.*

Мы говорим, что тяготы в условиях реформирования неизбежны. Но никто не установил, *каковы именно должны быть эти тяготы.* Никакой специалист по макроэкономике не рассчитает вам оптимальной траектории движения и оптимального размера лишений. Потому что на практике такие вещи могут быть определены только в ходе реальной борьбы противостоящих друг другу сил. Если нет оппонирования правительству по поводу применяемых им методов, то оно не будет заботиться о поиске максимально экономного для населения пути, а станет проводить реформы с избыточными жертвами со стороны народа. Утопично было бы считать, что умозрительно можно найти какую-то точку всеобщего согласия, некую точку «всеобщей справедливости». В реальной общественной жизни поиск согласия совершается в результате борьбы и компромиссов. Причем исторический опыт показывает, что хотя такой путь и имеет свои издержки, потери в итоге оказываются меньшими, чем при попытках реализовать утопическую идею о возможности достичь согласия без реальной борьбы.

«ОНС» Значит некоторое рабочее сопротивление даже полезно, лишь бы оно не ставило под угрозу сами реформы?

Л. Г. Оно полезно и для содержания самих реформ. Потому что без него реформы имеют тенденцию к превращению в чисто экономические или технико-экономические преобразования. А речь должна идти о преобразованиях *социально-экономических.* Общеизвестно, что одно из важнейших направлений реформ — структурная перестройка, изменение существующего соотношения отраслей народного хозяйства. Но при этом требуется и социальная перестройка, изменение социальных пропорций. Должна, например, быть пересмотрена доля ВВП, идущая на заработную плату. У нас она заметно ниже, чем на Западе. Пересмотру подлежат расходы на оплату труда, на содержание аппарата, на инвестиции, должны быть изменены пропорции в оплате труда работников разных отраслей. И этого, как показывает опыт, нельзя добиться, не подталкивая правительство, не создавая такой же объективный предел его действиям, как, скажем, отсутствие каких-то натуральных ресурсов.

«ОНС» Здесь сразу вспоминаются весенние забастовки учителей и врачей.

Л. Г. С этой точки зрения давление учителей и врачей есть, по-моему, дело не только справедливое, но и в высшей степени полезное. Лучше пусть будет такое давление, так или иначе заставляющее общество пересматривать сложившиеся пропорции, чем бесконечная попытка их сохранить, ведущая в итоге к разрушению и образования, и здравоохранения.

Но я хотел бы отметить еще одно. Если не будет демократического рабочего движения, то в высшей степени вероятно, что реформирование пойдет у нас наиболее невыгодным для всего общества путем, в достаточно антидемократических формах, по варианту, близкому к чилийскому. Поэтому идея отказа от какой бы то ни было борьбы за удовлетворение текущих интересов ради достижения стратегических целей приведет к столь же печальным последствиям, как и идея отказа от стратегических преобразований ради удовлетворения сиюминутных потребностей.

«ОНС» В таком случае, какой путь, по-вашему, был бы для рабочего движения, с одной стороны, и для всего общества — с другой, наиболее предпочтительным?

Л. Г. Я думаю, что наилучшим вариантом было бы, если бы в рабочем движении возобладала бы некая средняя, третья линия. Это гораздо более сложно, и не знаю, насколько вероятна такая линия. Но если она победит, в этом мне видится благоприятный исход кризиса рабочего движения. Причем как человек, следящий за тем, что происходит в рабочем движении, я вижу, что уже появляются некоторые штрихи этой линии.

«ОНС» В чем же она состоит?

Л. Г. Если говорить коротко, это *линия принципиальной политической поддержки реформ при одновременном оппонировании методам их осуществления там, где они противоречат интересам трудящихся*. Это защита принципиальных основ реформирования при сопротивлении определенным формам его осуществления. Ясно, что одной из черт такой линии должно стать абсолютное отрицание любого союза, любого взаимодействия, любого политического альянса с противниками реформ. Ничего общего не должно быть, например, с «Российским единством», ничего общего с «Трудовой Россией», РКРП, никаких совместных голосований и т. п. Ибо совместные действия с ними будут означать политическое выступление против реформ.

«ОНС» Но оппозиционные силы будут пытаться использовать любые выступления в своих интересах.

Л. Г. Мы уже упоминали о забастовках учителей и врачей. Сами их стачки представляются мне справедливыми. Рассуждения о том, что это святые профессии и их представители не имеют права бастовать, не кажутся мне убедительными. Особенно, когда такие доводы выдвигают люди, получающие втрое больше учителя или врача и отнюдь не спешащие поделиться с ними. Во всем мире и учителя, и медики бастуют, когда надо, тем более, что у нас одним из требований было выделение дополнительных вложений в эти отрасли вообще, а не просто повышение заработной платы. Но когда такие забастовки приобретают характер выступления против реформ, когда их начало подстраивается к определенным критическим моментам, когда некоторые их руководители начинают использовать забастовки для того, чтобы свалить правительство, когда они начинают говорить, что реформ не нужно совсем, тогда такие действия из справедливых и прогрессивных превращаются в поддержку самого реакционного, что может быть в нашем обществе.

Когда учителя в Кузбассе возмущаются положением, при котором их зарплата составляет лишь 15% зарплаты шахтера, и борются с этим, они абсолютно правы. Причем они нередко находят поддержку и в шахтерской среде. В одном из городов Кузбасса шахтерские трудовые коллективы вместе с другими коммерческими и производственными организациями создали специальный фонд, в который отчисляют часть своей прибыли для того, чтобы иметь возможность повышать зарплату учителям, врачам, увеличивать пенсии. Вот конкретный пример того, что может демократическое рабочее движение в период реформ. Но когда те же учителя выступают вместе с А. Тулеевым, олицетворяющим в Кузбассе антиреформаторскую тенденцию, и отказываются иметь дело с рабочими комитетами, потому что те против Тулеева, тогда их действия приобретают реакционный смысл.

«ОНС» Таким образом, политическое размежевание с оппозицией реформам - одна составляющая предлагаемого вами курса. А вторая?

Л. Г. Не сливаясь политически с противниками правительства реформ, продолжать отстаивать интересы трудящихся всеми присущими рабочему движению методами. Например, не брать на себя обязательства никогда не бастовать. Стремиться не доводить дело до забастовок, но отнюдь не при всех обстоятельствах. И основные усилия, по-моему, должны быть направлены на поиск *конкретных нестандартных форм защиты интересов трудящихся в условиях осуществления реформ*. Конечно, это очень трудно, но не невозможно. Об одном из таких примеров я только что упоминал, говоря о Кузбассе. Можно найти и другие формы. Например, у многих предприятий есть огромные бартерные возможности. Надо, чтобы ими пользовались не только свои работники, но и те, кто обеспечивает их жизнедеятельность в более широком смысле — учителя, врачи, работники детских учреждений и правоохранительных органов и т. п. Принципиальное решение состоит в том, чтобы в нынешней кризисной ситуации, когда бюджетных средств катастрофически не хватает, постараться нетрадиционными методами задействовать те резервы, которые можно найти в производственных отраслях

«ОНС» Причем такие формы по силам найти именно демократическому организованному рабочему движению.

Л. Г. В этом и будет состоять его тактика, если оно примет среднюю линию. Конечно, это очень нелегко. Линия отрицания реформ проста и ясна, как и линия их абсолютной поддержки. С ними легче выступать на митинге. Линия же политической поддержки реформ при одновременной борьбе за свои текущие интересы не столь ясна, она гораздо более сложна. Кстати, одно из наших идеологических заблуждений, с которым мы все еще не расстались, очень мешает развитию демократии. Оно связано с представлением, что простота есть достоинство. Нет, простота — свойство, которое может быть достоинством, а может и не быть. Афоризмы, вроде горьковской фразы о В. Ленине — «Прост, как правда», — повторялись так часто, что иной раз мы воспринимаем их чуть ли не как бесспорную истину. Но правда так же часто бывает непростой, как и простой. Я даже думаю, что непростая она гораздо чаще. И опасно как раз то, что неверные или плохие решения очень часто являются решениями простыми. Очень важно убедить людей в необходимости сложного решения, сочетающего и верность в целом реформаторскому курсу, и борьбу за его корректировку в интересах трудящихся.

Нужно искать нетрадиционные, сложные формы действий в этих условиях, готовиться к тем бедам, которые нам еще предстоят. Я имею в виду

безработицу. Пока ее еще нет, по крайней мере в серьезных масштабах. Но это не значит, что ее не будет вообще. Не думаю, что численность безработных у нас достигнет 30 млн человек, как предсказывают некоторые, но несколько миллионов вполне может быть.

«ОНС» Причем в среде, которая к этому не привыкла. Наши люди, по сути, не приспособлены к таким переменам.

Л. Г. Вот тут и будет оселок для демократического рабочего движения: как найти те формы, которые позволят бороться с безработицей, в то же время поддерживая реформы. Конечно, здесь возможны классические пути, используемые на Западе, когда профсоюзы готовят специальные фонды для поддержки безработных. Такие методы, думаю, будут использоваться и у нас. Но вместе с тем надо искать и нетрадиционные методы, пригодные для нашей кризисной ситуации.

«ОНС» А в других странах в условиях кризиса такие методы находили?

Л. Г. Конечно. Ф. Рузвельт, например, широко применял так называемые «общественные работы». Возможно, это будет применяться и у нас, но вряд ли в широких масштабах, ибо нет средств. Но в наших условиях целесообразно было бы использовать часть людей во вспомогательном сельском хозяйстве.

«ОНС» А. Шохин в качестве одного из методов нетрадиционной поддержки называл городское фермерство².

Л. Г. Может быть, в каких-то случаях выходом окажется развитие вахтового метода. Форм может быть много, но их надо найти. И если это удастся, можно будет говорить о преодолении кризиса демократического рабочего движения.

Интервью записано 8 июня 1992 г.

---

² См. «Общественные науки и современность», 1992, № 1, с. 10.